

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Л. КРОЛЬ

СЫМА ЦЯНЬ—
ИСТОРИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

901
К 83

Моему учителю
Борису Ивановичу
Панкратову

Ответственный редактор
Л. П. ЦЕЛЮСИН

ВВЕДЕНИЕ

I

Период Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.), во многих отношениях знаменательный для формирования китайской культуры, был важнейшим этапом и в развитии историографии. В это время было положено начало жанру исторических сочинений со сложной композицией, неперенную особенность которого составляет сочетание анналов правителей с биографиями видных подданных (*цзи чжуань*). Их список открывает основополагающий труд Сыма Цяня (145?—87? гг. до н. э.), первоначально называвшийся «Книгой господина великого астролога» (*Тай ши гун шу*), а со II в. н. э. известный как «Записи историка <или астролога>» (*Ши цзи*)¹.

Задумал «Записи историка», собирал для них материал и, возможно, начал писать их придворный чиновник — «великий астролог» (*тай ши* или *тай ши лин*) Сыма Тянь (?—110 гг. до н. э.)². Однако основным, если

Книга Ю. Л. Кроля представляет собой первое в СССР монографическое исследование о великом древнекитайском историке Сыма Цяне. Автор дает общую характеристику его труда «Записи историка», подробно исследует философские взгляды Сыма Цяня. Большое внимание уделено анализу разнообразных источников, над которыми работал Сыма Цянь.

1-6-2
000-69

¹ В научной литературе это название чаще всего переводили — «Исторические записки»; этот перевод был предложен более 70 лет назад Э. Шаванном. Однако, как показали исследования последнего времени, более точен перевод «Записи историка», который сейчас входит в употребление. Обоснование его правильности см.: Чэнь Чжи, *Исследование...*, стр. 109—114; Watson, *Ssu-ma Ch'ien*, p. 199, п. 1. Б. Уотсон не вполне точно датирует появление названия «Записи историка».

² О возможной принадлежности тех или иных глав «Записей историка» (а именно гл. 11, 25, 39, 63, 86, 87, 97 и 127) кисти Сыма Тяня см. в кн.: Ли Чан-чжи, *Личность...*, стр. 155—163. С нашей точки зрения, справедливость этих предположений (кроме

не единственным автором книги и редактором всего ее текста был его сын Сыма Цянь, в 108 г. до н. э. унаследовавший должность отца. Он работал над своим сочинением в последнем десятилетии II — первом десятилетии I в. до н. э. Его труд явился первой всеобщей историей Китая, которая обнимает период с глубиной древности, от легендарного Желтого владыки (Хуан ди), до эпохи Сыма Цяня³.

Появление на рубеже II и I вв. до н. э. такого обобщающего труда, как «Записи историка», не было слу-

высказанного относительно гл. 97, см. далее, гл. III, прим. 312) весьма сомнительна, так как первый критерий Ли Чан-чжи, основанный на мысли о различии философских взглядов отца и сына Сыма, не выдерживает критики, а два других критерия применялись недостаточно осторожно. В частности, мы считаем не основательным предположение Ли (правда, высказанное в осторожной форме), что Сыма Тань написал 86-ю главу «Записей историка». Впервые такое предположение было сделано Д. Боддэ. Д. Боддэ основывается на том, что практически невозможно, чтобы во времена юности Сыма Цяня был жив кто-либо из людей, от которых «господин великий астролог» слышал историю о покушении Цзин Кэ на циньского государя. Поэтому он считает, что под «господином великим астрологом» (*тай ши гун*), упомянутым в эпилоге 86-й главы «Записей историка», следует понимать Сыма Таня. См. Bodde, *Statesman, Patriot...*, pp. 41—42. Уже после Ли Чан-чжи М. В. Крюков на основании сходных соображений счел текст этой главы сомнительным и подчеркивал, что даже предположение о принадлежности главы Сыма Таню можно сделать только с большими оговорками. См. Крюков, *Некоторые вопросы*, стр. 111—112. Точка зрения Д. Боддэ и Ли Чан-чжи была принята Р. Б. Кроуфордом в его исследовании мировоззрения Сыма Цяня. См. Crawford, *The Social...*, pp. 404—405, pp. 28, 30. Все эти авторы исходили из того, что имена людей, рассказавших «господину великому астрологу» историю о покушении Цзин Кэ, более не встречаются в ханьской литературе. Между тем одного из этих людей звали «учитель Дун». Б. Уотсон верно отождествил его с Дун Чжун-шу. См. Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, pp. 191, 240, p. 46. Известно, что Сыма Цянь учился у Дун Чжун-шу, которого называл «учителем Дуном». См. Сыма Цянь (авт.), Такикава Сигэн (сост. комм. «Критическое исследование»), «Записи историка» с собранием комментариев и критическим исследованием, Пекин, 1955, т. 10, гл. 130, стр. 21(5201) (далее — «Записи историка»...), Watson, *Ssu-ma Ch'ien*, p. 50. Это обстоятельство лишает оснований предположение, что автором 86-й главы «Записей историка» был Сыма Тань. См. Крель, *Вопрос...*, стр. 54—56.

³ Правление Желтого владыки, с которого Сыма Цянь начал свою книгу, он точно не датировал. По словам самого историка, период, о котором он писал, кончался на 104—101 гг. до н. э., но, возможно, на самом деле он включал еще несколько лет. См. Цзи Чжэнь-хуай, *Сыма Цянь*, стр. 74, прим. 2.

чайным. «Наиболее общим признаком для всей умственной жизни этого времени было стремление к обобщению, к своеобразному подведению итогов прошлого и разработке на этой основе норм общественной и государственной жизни»⁴, — справедливо отмечает Н. И. Конрад. Такое отношение к культурной традиции при династии Хань было во многом продиктовано отрицательным опытом ее предшественницы — династии Цинь. Действительно, первая китайская централизованная бюрократическая империя — Цинь (221—207 гг. до н. э.) — сознательно пыталась противопоставить себя китайской культурной традиции или по крайней мере огромной ее части. Она отказалась даже в какой-то мере принять традиционную «удельную» систему управления и последовательно провела в жизнь принцип централизации власти и управления посредством бюрократии; она отказалась в своих решениях и действиях от опоры на традиционные китайские нравственные ценности, выраженные в «нормах поведения» (*ли*), в понятиях «человеколюбие», «справедливость» и т. п., и полагалась на уголовное законодательство и на суровые наказания, т. е. исключительно на насилие; она с определенного времени (213 г. до н. э.) перешла к репрессиям против тех, кто, ссылаясь на традицию, критиковал циньскую действительность (в первую очередь против конфуцианских ученых), и к сожжению книг конфуцианского канона и других философских школ, которые фиксировали эту традицию.

Быстрота, с которой под влиянием внутренних причин погибла империя Цинь, просуществовавшая всего 15 лет и опрокинутая всенародным восстанием, между прочим, свидетельствовала о том, что циньское отношение к традиции и ее носителям не обеспечивает централизованному бюрократическому государству должной устойчивости. Это ясно понимали государственные деятели династии Хань. Перед новой империей встала задача: сохранив основные ценности, унаследованные от централизованного бюрократического циньского государства (бюрократическую структуру, законодательство, церемониал и т. д.), дополнить их традиционными культурными ценностями и таким путем создать прочную империю. Для выполнения этой задачи был необходим

⁴ Китайская литература..., стр. 13.

синтез, создание качественно нового ряда ценностей. История показала, что, опершись на ханьских конфуцианцев, империя справилась с этой задачей.

Период от начала династии Хань (202 г. до н. э.) до «триумфа конфуцианства» при императоре У-ди (141—87 гг. до н. э.) был порой бурного возрождения китайской культурной традиции. Уважение ко всему традиционному было настолько велико, что подчас даже новшества подавались как восстановление древних институтов. Образованными людьми была проделана колоссальная работа по сбору, восстановлению и изучению памятников древней литературы, по записи песен, бытовавших в народе, по разработке учений, созданных в предшествующие века. Без этой работы было бы невозможно появление «Записей историка». Благодаря ей стали доступны те источники, которые дали возможность написать всеобщую историю Китая. Была создана и теория, позволившая представить саму историю как бесконечный законосообразный процесс.

Сыма Цянь и его отец были носителями и хранителями китайской культурной традиции, собирателями письменного слова, в какой бы области оно ни было сказано, универсально образованными мыслителями. Вот что писал об этом Сыма Цянь: «Путь дома Чжоу был упразднен, династия Цинь отменила и отбросила древние тексты, сожгла и уничтожила „[Книгу] стихов“ <Ши [цзин]> и „[Книгу] исторических документов“ <Шу [цзин]>. Поэтому яшмовые дощечки [с гравированными надписями]⁵, карты и списки [населения] из каменной палаты и металлических ларей „Светлого зала“ (Мин тан) [династии Чжоу] оказались разрозненными и перепутанными. Тогда возвысился дом Хань. Когда Сяо Хэ привел в порядок статуты и указы⁶, Хань Синь изложил законы, на основании которых [командуют] войском⁷, Чжан Цан создал правила [для расчетов календаря] и

⁵ Здесь иной перевод, чем у Б. Уотсона (ср. Watson, *Ssu-ma Ch'ien*..., p. 55). В ответе Чао Цо императору говорится: «...То, что добродетель вашего величества обильна и вы обрели достойных помощников, — все это созерцается чиновниками... хранится в металлическом ларе...» (Бань Гу, *История*..., т. 052, гл. 49, стр. 761). «Добродетель» — здесь и далее условный перевод термина *дэ* (внутренняя духовная сила).

⁶ См. Hulsewé, *Remts.ann.*..., vol. I, pp. 26—27 ff.

⁷ См. Бань Гу, *История*..., т. 052, гл. 30, стр. 587, 589.

образцы [мер и весов]⁸, Шусунь Тун установил [придворный] церемониал и нормы поведения⁹, то мало-помалу стали выдвигаться литературно образованные ученые, правильно сочетающие в своих писаниях <безыскусственность и утонченную форму>, и один за другим начали то и дело появляться [уцелевшие тексты „Книги“ стихов“ и „[Книги] исторических документов“]. С тех пор, как Цао Шэнь выдвинул господина Гая [Гай-гун] и стал говорить об учении Желтого [владыки] и Лао-цзы¹⁰, а учитель Цзя <Цзя И> и Чао Цо разъяснили мысли Шэнь [Бу-хая] и владетеля области Шан <Шан Яна>¹¹, Гунсунь Хун же прославился благодаря своему конфуцианству¹², [среди накопившихся] за сто лет в Поднебесной уцелевших текстов и [рассказов] о делах древности не было таких, которые не оказались бы собранными, как в сети, у господина великого астролога¹³.

Китайская культурная традиция вошла в «Записи историка» галереей портретов ее выдающихся представителей, обильными цитатами из их произведений, страницами трактатов, специально посвященных культурным ценностям, важным для государственного управления, а также истории некоторых аспектов политики и институтов государства.

Процесс «подведения итогов», который шел в то время в Китае, отразился также на философских взглядах Сыма Цяня и его отца. Оба они широко заимствовали теоретические положения разных философских школ китайской древности. Сыма Тань прямо писал об этом в дошедшем до нас трактате о шести философских шко-

⁸ См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 52—53 (5232—5233); Бань Гу, *История*..., т. 051, гл. 1Б, стр. 36; т. 052, гл. 42, стр. 700; Н. Dubs, *The History*..., vol. I, p. 146.

⁹ См. «Записи историка»..., т. 4, гл. 23, стр. 5—6 (1619—1620); т. 8, гл. 9, стр. 13—22 (4237—4246); т. 10, гл. 130, стр. 53 (5233); Бань Гу, *История*..., т. 051, гл. 1Б, стр. 36; Dubs, *The History*..., vol. I, p. 146; Hulsewé, *Remnants*..., vol. I, pp. 40, 54, 432—433, 441—442, pp. 21—25.

¹⁰ То есть о даосизме. См. «Записи историка»..., т. 6, гл. 54, стр. 13 (3067).

¹¹ То есть доктрины двух основателей школы *фа* — «закона», или (по мнению Х. Г. Крива) «закона и метода». См. Н. G. Creel, *The Fa-chia*..., pp. 607—608, 621—624, 633—635.

¹² См. «Записи историка»..., т. 9, гл. 112.

¹³ Там же, т. 10, гл. 130, стр. 59 (5239).

лах. Там он сначала критически оценил положительное и отрицательное в учениях пяти школ древнего Китая, а затем указал, что шестая школа — даосская, заслуживающая, с его точки зрения, наивысшей оценки, — занимает все достижения остальных пяти¹⁴.

Сыма Цянь в свою очередь видел авторскую задачу в том, чтобы «согласовать друг с другом разные толкования шести классических книг, привести в систему разнообразные изречения ста школ»¹⁵. При этом как мыслитель он явно ощущал себя продолжателем традиции, а не «новатором», полагающим основы радикально новой философии: его собственная книга не казалась ему открытием в области идей и нравственных принципов — в отличие от другой, которую он считал образцом, — от Конфуциевой летописи «Весны и осени» (*Чунь цю*). По нашему мнению, в этом смысле и следует понимать слова историка, сказанные им о своем творчестве: «То, что я называю „передавать события прошлого, приводить в систему передаваемое из поколения в поколение“, — это не то, что называют „создавать“, а вы уподобляете это [созданию] „Весен и осеней“, вот в чем ваша ошибка!»¹⁶.

Изучение трактата Сыма Тяня позволило исследователям определить философию этого мыслителя как эклектицизм даосского толка¹⁷.

Сыма Цянь включил этот трактат в «Записи историка», однако его собственное отношение к трактату до сих пор оценивалось по-разному. А если не говорить об этом трактате, то в других частях «Записей историка» Сыма Цянь обобщенного изложения своих взглядов не оставил и прямого предпочтения ни одной из шести философских школ не выказал. Его философские и политические высказывания разбросаны по разным главам «Записей историка», да еще зачастую те или иные мысли выражены не прямо, а намеком, «словами, полными

скрытого смысла», так что взгляды его приходится восстанавливать¹⁸.

Сегодня уже не подлежит сомнению, что мировоззрение Сыма Цяня вобрало в себя идеи самых разных школ древнекитайской мысли и что он не менее заслужил название эклектика, чем его отец. Однако продолжает оставаться спорным вопрос: можно ли отождествить философию Сыма Цяня с философией Сыма Тяня, иначе говоря, был ли Сыма Цянь эклектиком даосского толка?

В науке высказывались две точки зрения на этот вопрос. Одни ученые — такие, как Лян Юй-шэн, Ван Мин-шэн, Нагаи Сэкитоку, Э. Шаванн, Б. Уотсон¹⁹ и др., — считали, что Сыма Цянь был конфуцианцем или отдавал предпочтение конфуцианству. Ряд ученых — таких, как Х. Х. Дабс, в какой-то мере Х. Г. Крил, Жэнь Цзи-юй, Ф. А. Кирман, Р. Б. Кроуфорд²⁰ и др., — считали его даосом или мыслителем, отдававшим предпочтение даосизму.

С нашей точки зрения, после убедительных доказательств, приведенных Р. Б. Кроуфордом, больше всего оснований считать Сыма Цяня эклектиком даосского толка, как и его отца²¹. Хотелось бы присоединить к уже высказанным на этот счет доводам два соображения.

¹⁸ См. Крель, *О связи...*, стр. 202—203.

¹⁹ См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 14—15 (5194—5195); «Общий трактат о «Записях историка»» (*Ши цзи цзун лунь*), стр. 26—27 (5274—5275); Chavannes, *Les mémoires...*, t. 1. Introduction, pp. XLIX—LI; Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, pp. 34—35, 168—169, 205—206, n. 32.

²⁰ Dubs, *The History...*, vol. II, p. 346; Creel, *Confucius...* pp. 268—269; Жэнь Цзи-юй, *Философские идеи...*, стр. 38—39; Kierman, *Ssu-ma Ch'ien's Historiographical Attitude...*, pp. 3—4; Crawford, *The Social...*, pp. 401—416. Точки зрения советских ученых суммированы нами в статье «О связи...», стр. 202—203.

²¹ Пользуясь остроумным приемом сравнения параллельных глав «Записей историка» и «Истории Ранней Ханьской династии» (*Цянь Хань шу*) Бань Гу (который был несомненным конфуцианцем), Р. Б. Кроуфорд показал очень значительные даосские элементы в мировоззрении Сыма Цяня. В дальнейшем мы будем широко пользоваться его статьей при изложении взглядов Сыма Цяня. Это не значит, что мы во всем согласны с идеями, высказанными в прекрасной статье Р. Б. Кроуфорда, который, с нашей точки зрения, слишком смазывает недаосские элементы в мировоззрении Сыма Цяня, несколько преувеличивает последовательность этих взглядов, а также базируется на неточном представлении о том, какие главы «Записей историка» написал Сыма Тянь (ср. выше, прим. 2.).

¹⁴ Там же, стр. 9 (5189); Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, p. 44.

¹⁵ «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 64 (5244); Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, p. 57.

¹⁶ «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 27 (5207); Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, pp. 54 (несколько иной перевод), 90—91, 223—224, n. 31. Ср. Ван Чун (авт.), Цзян Цзю-и (сост. комм.), *Избранные главы...*, стр. 145.

¹⁷ См., напр., Fung Yu-lan, *A Short History...*

Во-первых, не следует забывать слов Сыма Цяня о том, что его книга — это «сочинение одной семьи» (в более широком смысле также одной философской школы)²². Все авторские суждения в этой книге высказаны от имени «господина великого астролога»; иначе говоря, Сыма Цянь как редактор книги избрал такую литературную форму, что невозможно отличить его мнение от мнения его отца. Все это делает маловероятным предположение, что Сыма Цянь видел какую-либо существенную разницу между своими взглядами и взглядами Сыма Тая; если такая разница была, значит, он хотел не подчеркнуть ее, а скрыть.

С другой стороны, по нашему мнению, Сыма Цянь все-таки один раз прямо показал, что отдает предпочтение эклектическому даосизму. В пользу гипотезы о даосских симпатиях Сыма Цяня говорят веские свидетельства ханьских знатоков его книги, первые из которых родились всего через несколько десятков лет после смерти историка. Действительно, еще ученые I в. до н. э. — I в. н. э., такие, как Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.), Хуань Тань (ок. 43 г. до н. э. — 28 г. н. э.), Бань Бяо (3—54), Бань Гу (32—92) и др., находили суждения Сыма Цяня ошибочными с конфуцианской точки зрения. При этом они особо отмечали, что Сыма Цянь поставил даосское учение Желтого владыки и Лао-цзы выше конфуцианских «пяти классических книг»²³. Правда, ученые, считающие историка конфуцианцем, не раз возражали на это, что хотя в «Записях историка» и высказано такое мнение, но оно содержится в тексте трактата Сыма Тая о шести философских школах и, таким образом, Сыма Цяню не принадлежит²⁴. Это возражение привлекает наше внимание к действительно странному обстоятельству. Ведь ученые I в. до н. э. — I в. н. э., часть которых (Ян Сюн, Бань Бяо, Бань Гу) выступала как продолжатели книги Сыма Цяня, не могли не знать, кто написал трактат. И тем не менее они почему-то припи-

²² См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 64 (5244); Бань Гу, *История*..., т. 053, гл. 62, стр. 901; Watson, *Ssu-ma Ch'ien*..., pp. 57, 66, 92—93.

²³ Полную подборку их высказываний по этому поводу см. в ст.: Чэнь Чжи, *Люди времен династий Хань и Цзинь*..., стр. 41—57; см. также Кроль, *О связи*..., стр. 201.

²⁴ См. ссылки в прим. 19.

сывали Сыма Цяню слова и взгляды его отца. Их парадоксальную позицию можно объяснить при помощи следующего предположения.

Дело в том, что трактат о шести философских школах четко делится на две части — небольшую первую, где сжато сформулированы тезисы Сыма Тая, и вторую, где эти лапидарные формулы повторены с пояснениями; иными словами, вторая часть написана как смысловой комментарий к первой. Этот смысловой комментарий мог быть написан автором первой части трактата (т. е. Сыма Танем), а мог быть написан и его единомышленником, взявшим на себя труд пояснить его идеи. Соответственно формула *гу юэ*, с помощью которой во второй части трактата вводятся цитаты из первой его части, может означать или «поэтому я говорю», или «поэтому он <Сыма Тань> говорит».

«Еретическое» (с конфуцианской точки зрения) высказывание о пяти (точнее, о шести) классических книгах входит как раз во вторую, поясняющую часть трактата²⁵. Если наши «первые свидетели» — ханьские зна-

²⁵ Ян Сюн писал: «Кто-то спросил: „У Сыма Цзы-чана <Сыма Цяня> есть изречение, гласящее: „Пять классических книг уступают в краткости „Философу Лао“ (*Лао цзы*). За всю жизнь [люди] не могут целиком усвоить их необычные нормы поведения, до конца дней не могут полностью изучить их науку...“» [(«Образцовые речи...» (гл. 7, стр. 19)]. Во второй части трактата о шести школах говорится: «Ведь конфуцианцы видят образец в шести классических книгах. Шесть классических книг и комментарии к ним насчитывают десятки миллионов [иероглифов], за несколько поколений [люди] не могут довести до конца их изучение, за всю жизнь не могут целиком усвоить их нормы поведения...» [(«Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 10 (5190)]. Ян Сюн явно имеет в виду это место трактата, хотя, как видно из перевода (а еще более ясно при сравнении иероглифической записи обоих текстов), в «Образцовых речах» (*Фа янь*) весьма вольно передана критика конфуцианцев из трактата Сыма [кстати сказать, основанная, как это видно из комментария, на высказываниях «Философа Мо» (*Мо цзы*) и др.; ср. Watson *Ssu-ma Ch'ien*..., pp. 205—206, п. 32]. Ян Сюн приписывает Сыма Цяню слова, в которых громоздкость конфуцианской литературы противопоставлена краткости даосской. Таких слов в трактате нет, но такая мысль в нем содержится (ср. Crawford, *The Social*..., p. 405). Правда, о лаконизме даосов четко сказано в части, явно написанной Сыма Танем: характеризую даосизм, Сыма Тань говорит, что его «суть [выражена] кратко». См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 9 (5189). Во второй части трактата сказано только: «...слова их понять трудно». См. там же, стр. 12 (5192).

токи «Записей историка» — упрямо приписывали строки из второй части трактата Сыма Цяню, мы вправе заключить, что вторую часть трактата писал действительно Сыма Цянь и при Хань это было хорошо известно²⁶. В таком случае Сыма Тянь принадлежит только первая, лапидарная часть трактата, а Сыма Цянь, будучи автором второй его части, может быть охарактеризован как эклектик даосского толка.

Как уже отмечалось, эклектические взгляды отца и сына Сыма не укладывались в рамки ни одной из философских школ китайской древности и в действительности охватывали всю китайскую традицию. Слово «даосский», употребленное по отношению к эклектицизму Сыма Тяня и Сыма Цяня, указывает лишь на ориентацию их философской мысли, но оно не означает ни некретического отношения к даосским философам, ни пренебрежительного — к Конфуцию, его трудам и высказываниям. Так, по меньшей мере в одном случае Сыма Цянь полемизирует с «Философом Лао»²⁷. Он неоднократно подчеркивает, что в даосском трактате «Философ Чжуан» (*Чжуан цзы*) есть выдуманные истории, причем проверяет достоверность сведений этого трактата, используя в качестве критерия шесть конфуцианских классических книг²⁸.

Сыма Тянь объявляет себя и своего сына как историков преемниками традиции, идущей от Чжоу-гуна и Кон-

²⁶ По-видимому, вторая часть трактата считалась произведением Сыма Тяня уже во времена династии Тан. Ли Сянь (651—684) в одном случае приписывает ее Сыма Тяню, а в другом случае оставляет без критики слова Бань Бяо, который исходит из того, что эту часть написал Сыма Цянь. См. Фань Е, *История Поздней Ханьской династии*, сер. Сы бу бэй яо, т. 054, гл. 58Б, стр. 483; гл. 70А, стр. 588. Предположение, что только первую часть трактата написал Сыма Тянь, а вторую часть, где пояснялись и развивались идеи первой, — Сыма Цянь, уже высказывалось, правда без всяких доказательств. См. Группа историков..., *Кафедра истории..., Антология литературы по китайской философии*, т. 1, стр. 113.

²⁷ См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 129, стр. 2—3 (5136—5137). Ср. Crawford, *The Social...*, p. 407.

²⁸ См. «Записи историка»..., т. 7, гл. 61, стр. 5—6 (3233—3234); гл. 63, стр. 10 (3268); Watson, *Ssu-ma Ch'ien...* pp. 187, 238, pp. 16—17. Кроме того, Сыма Цянь критиковал философские взгляды представителя школы фа Хань Фэя, которого считал даосом. См. «Записи историка»..., т. 7, гл. 63, стр. 29 (3287); т. 10, гл. 124, стр. 2 (5004).

фуция, призванными «исправить толкования „[Классической книги] перемен“ (*И цзин*)», продолжить „Весны и осени“, основываться на [том, о чем говорится в классических книгах] стихов, исторических документов, о нормах поведения и музыке»; Сыма Цянь пишет, что своим сочинением хотел дополнить «классические книги»²⁹. Таким образом, отец и сын приняли шесть конфуцианских классических книг в качестве некоей основы и критерия достоверности для своего труда. По их собственным словам, их даосизм признает конфуцианские «нормы поведения», регулирующие отношения между государем и сановником, отцом и сыном, а также различия, проведенные конфуцианцами между мужем и женой, старшим и младшим³⁰, что было бы неприемлемо для авторов «Философа Лао» и «Философа Чжуана». Как мы увидим, конфуцианские идеи сильно повлияли на некоторые теории Сыма Цяня.

Сторонники гипотезы о конфуцианском характере взглядов Сыма Цяня справедливо отмечали, что Конфуций получил в иерархической структуре его труда более почетное место, чем даосские философы, в том числе Лао-цзы, и заслужил гораздо более эмоциональную и хвалебную оценку, чем этот последний³¹. В авторских суждениях «Записей историка» широко использованы изречения Конфуция; по крайней мере в двух случаях они стоят рядом с изречениями из «Философа Лао», подкрепляя ту же мысль³².

Видимо, ближе всего к истине мнение, что Сыма Цянь критиковал конфуцианство и конфуцианцев в первую очередь как современную ему идеологию и ее носителей, не посягая на авторитет «совершенного мудреца» — Конфуция — и основы его философии. Что же не нравилось Сыма Цяню в конфуцианстве и конфуцианцах? Это

²⁹ «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 20 (5200), 64 (5244); ср. Watson, *Ssu-ma Ch'ien*, pp. 50, 57.

³⁰ См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 130, стр. 8 (5188), 10 (5190); Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, pp. 44, 46.

³¹ Ср. «Записи историка»..., т. 10, «Общий трактат о „Записях историка“», стр. 26—27 (5274—5275); Chavannes. *Les mémoires...*, t. 1. Introduction, p. L; Watson, *Ssu-ma Ch'ien*, pp. 168—169. Едва ли справедлива точка зрения Х. Г. Крилла и Р. Б. Кроуфорда на биографию Конфуция в книге Сыма Цяня. Ср. Creel, *Confucius...*, p. 247; Crawford, *The Social...*, p. 403, pp. 19—20.

³² См. «Записи историка»..., т. 10, гл. 122, стр. 1—2 (4912—4913).

часть более общего вопроса: что не нравилось ему в современном ему обществе и государстве?

II

Чтобы понять это, нужно вкратце коснуться изменений, происшедших в китайской государственности с начала династии Хань.

С воцарением этой династии циньский государственный опыт подвергся переоценке, хотя отнюдь не был отброшен целиком.

Возникла сравнительно гибкая и мягкая государственная система, основанная на политических принципах, которые были эклектически заимствованы у разных течений политической мысли — школ «пути» (*дао*), «закона и метода» (*фа*) и «ученых» (*жу*), т. е. конфуцианской школы.

Циньский принцип централизации власти был смягчен и скомбинирован с традиционной идеей учреждения «уделов» и доктриной «недеяния» (*у вэй*) правителей. В отличие от циньских императоров ранние ханьские выпустили часть власти из рук, с одной стороны, передав ее своим родственникам — вассальным государям, под владения которых была выделена большая территория, а с другой — доверив ее крупным представителям центральной бюрократии, получившей возможность проявления довольно широкой деловой инициативы. В основу таких взаимоотношений императора и его чиновников легла доктрина «недеяния» правителя, разработанная школой *фа*, в частности одним из ее основоположников — Шэнь Бу-хаем (ум. в 337 г. до н. э.), и заимствованная в III в. до н. э. даосизмом, приспособленным для политических целей³³. Практически страной правили крупные сановники, в первую очередь «канцлеры» (*чэн сян*), а император по преимуществу принимал их предложения и санкционировал их решения. В этой системе управления была удовлетворительно обеспечена обратная связь, осуществлявшаяся путем критики правительства образованными людьми и чиновниками. Постепен-

³³ См. новаторскую статью Х. Г. Крила: Creel, *On the Origin of Wu-wei*, pp. 1—33.

но были отменены доставшиеся от циньских времен суровые законы, каравшие за такую критику, и она стала даже официально поощряться. Это создало относительно свободный статус бюрократии, которая в это время рекрутировалась из числа сторонников самых разных философских течений. Император в основном ограничивался тем, что назначал и смещал крупных чиновников и осуществлял контроль над их деятельностью³⁴.

По крайней мере при императоре Вэнь-ди (180—157 гг. до н. э.) этот контроль осуществлялся на основе доктрины организации бюрократии и контроля над ней — *син мин*, разработанной в недрах школы *фа* тем же Шэнь Бу-хаем. Согласно этой доктрине правитель должен сравнивать «название» (*мин*) того, что человек взялся перед ним сделать или обязан был делать по должности (т. е. официальное название, определение его должности и ее служебных функций), с реальным «исполнением» (*син*) и на основании результатов сравнения решать, годится ли человек для данной должности или (если он уже занимает ее) исполняет ли он свой долг³⁵.

При такой системе управления вновь оказались в почете традиционные культурные ценности (так, Вэнь-ди при своих симпатиях к даосизму и школе *фа* опирался и на конфуцианскую этику); по сравнению с циньскими временами законы были сильно смягчены, число их уменьшено, и они перестали играть роль единственного основания для управления; правительство не вело агрессивной внешней политики и не пыталось активно вмешиваться в экономическую жизнь страны, налоги и трудовые повинности стали гораздо легче, чем при Цинь, население Китая вступило в пору мирного экономического развития. Однако за несколько десятилетий, пока действовала эта система управления, в китайском обществе развились социальные процессы, с регулированием которых эта система уже плохо справлялась.

Усилились социальные группы, являвшиеся в той или иной степени носителями децентрализаторских тенден-

³⁴ См. Dubs, *The History...*, vol. I. pp. 182, 192—193, 244; vol. II, pp. 8—11.

³⁵ Заслуга исследования этой доктрины и ее роли в истории китайского государства принадлежит Х. Г. Крилу. См. Creel, *The Meaning of Hsing Ming*, pp. 199—211; *The Fa-chia...*, pp. 607—636, esp. pp. 619, 621—625.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Философия истории	82
Взгляд Сыма Цяня на задачи историографии	82
Неизменяемое и изменяющееся в истории	85
Закон "воздаяния"	101
Взаимоотношения между небом и человеком	111
"Повеление неба" и усилия людей	122
Отношение Сыма Цяня к Гао-цзю	134
Отбор материала для глав о соратниках Гао-цзю	151
Отношение Сыма Цяня к Чэнь Шэ и Сянь Юю	160
Связь концепций Сыма Цяня с его позицией критика современности	183
Глава II. Работа Сыма Цяня над источниками (анналы, исторические сочинения, трактаты)	204
"Записи циньских историков" и "записи историков"	205
"Ханьские произведенные записи и записи историков"	215
"Планы воюющих царств"	237
"Весны и осени царств Чу и Хань" Лу Цзя	243
Сочинения Куай Туна	264
"Новые речения" Лу Цзя	266
"Рассуждение, обвиняющее в ошибках династию Цинь" Цзя И	274
"Писания об учителе Ли"	286
Глава III. Работа Сыма Цяня над источниками (документы, анонимные материалы)	288
Хранилища книг и документов времен У-ди	288
Материалы хранилищ "великого астролога", великого министра церемоний" и храма Гао-цзю	296
"Доклады о делах"	312
Материалы хранилищ запретной части дворца	322
"Повеления" (чжао) и другие документы	329
Анонимные материалы по циньской истории	334
Происхождение неаутентичных материалов, содержащих- ся в "Записях историка"	354
Библиография	376
Указатель	389